

Русский человек не способен интегрироваться на Западе

Эдуард ГОРОХОВСКИЙ — одно из наиболее авторитетных имен в истории современного отечественного искусства. В его послужном списке — ретроспективы в Третьяковке и известных галереях Европы, участие в экспозициях крупнейших музеев мира. Методов его творчества — бесконечное множество, а используемые художником стили вобрала в себя всю историю изобразительного искусства ушедшего столетия.

Недавно в Государственном центре современного искусства на Зоологической был показан новый проект 74-летнего художника "Черный прямогольник". На стандартных листах матовой черной бумаги, по пропорциям схожих с фотографическими отпечатками, сюжеты и стилизации, разнообразие которых может поставить неискушенного зрителя в тупик: работы скольких авторов показаны на выставке? Однако это единый и многослойный проект: дело в универсальности личности его создателя. Никто лучше самого Эдуарда Гороховского не расскажет об общем замысле проекта, охватившем едва ли не весь его артистический диапазон: "Илья Кабаков как-то сказал, что балерина должна держать спину, а художник должен держать плоскость листа. Работа в картине происходит, таким образом, на грани проваливания и возвращения на плоскость. Черная бумага в последнем проекте — это символ пространства как такового, метафора черной дыры, провала. Оттуда все образы как бы выплывают к нам из небытия. Черное кажется утопленным в бесконечности, возвращение из него предмета — задача, провоцирующая фантазию, в том числе и зрителя. Для меня очень важно, что полученная выставка — это не ряд картин, а в каждом случае отдельно поставленная и решенная задача".

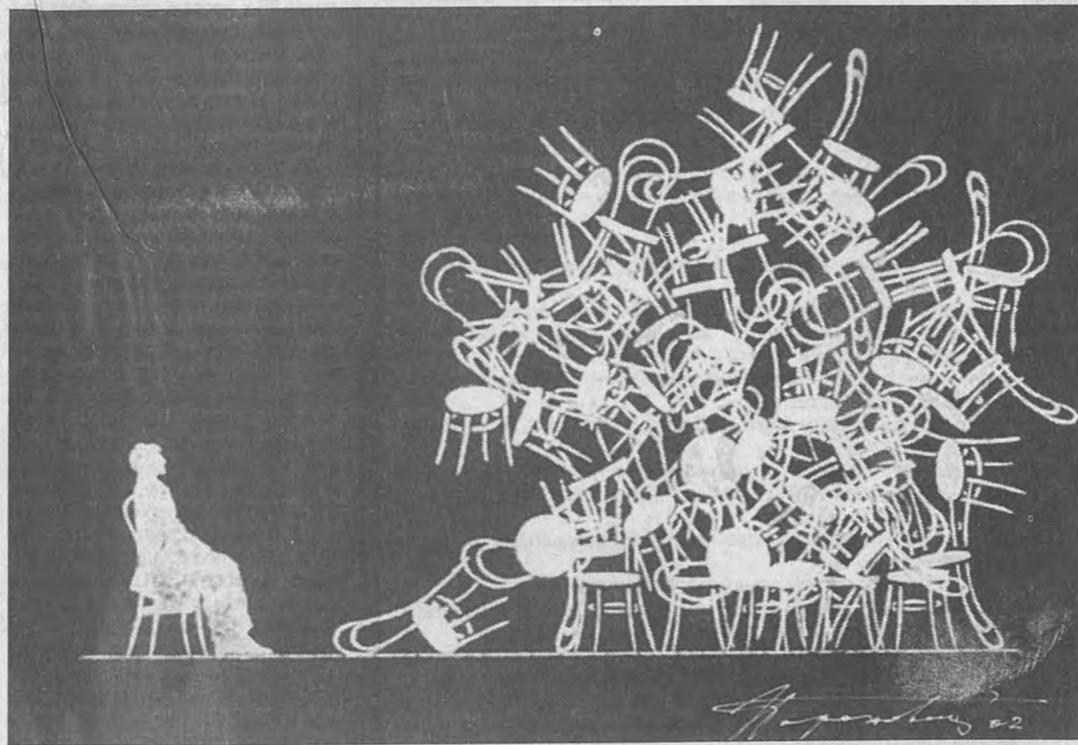
Нам показалось небезынтересным поговорить о самоощущении русского художника, проводящего большинство времени в европейских странах, и как следствие — о самоопределении нашего искусства в мировом контексте. Это ключевой вопрос: как в Западе как в зеркале отражаются все российские реалии. Но насколько это зеркало верно отражает? И можно ли, оставаясь русским, проникнуть в Зазеркалье?

— Эдуард Семенович, с какого года вы регулярно живете на Западе?

— С 1991-го. Но я не считаю себя живущим на Западе. Да, я там регулярно бываю, там работаю, поскольку это удобно. Часто выставляюсь. Но я ничего принципиально не поменял в своей жизни и не представляю себя и свое искусство без российских реалий. Здесь, можно сказать, мои уши и глаза.

— Как вам кажется, совпало ли время вашего регулярного пребывания "там" со временем, когда мир стал един, когда закончилось его разделение на "капиталистический" и "социалистический"? И повлияло ли возникновение единого художественного пространства на ваше творчество?

— Я не уверен до сих пор, будет ли такое объединение. С моей точки зрения этого вовсе не произошло, поскольку Запад совершенно не готов к тому, чтобы воспринимать вос-

Э.Гороховский. "Композиция размером 50 x 70 см, выполненная акриловыми красками на черной бумаге"

точную культуру. Все, что "по ту сторону" Одера, игнорируется. Я думаю, интерес к Китаю, например, сейчас во всем мире гораздо выше, чем к нам. Все это продукт западного высокомерия. Из любой части отечественной культуры избран практически только один человек — и этого достаточно. За все современное искусство отвечает Кабаков, за классическое — Малевич, так же, как за литературу — Достоевский, а за музыку — Чайковский. Так

что объятия по отношению к нам "там" отнюдь не распространены, а процесс интеграции все еще находится в зачаточном виде.

— Кстати, как вы, житель Берлина, восприняли падение стены?

— Никак. Вообще не заметил. Помоему, это чисто политическая акция, она на искусство не повлияла. Важнее то, что в символическом плане эта стена между Востоком и Западом до сих пор стоит.

— Сейчас у двух стран, в кото-

рых вы больше всего проводите времени, — России и Германии — годы активного культурного обмена. Вообще же давно говорится о духовной связи России с Германией. А вы сами ощущаете эту связь?

— Мне кажется, эта связь больше в политическом плане, и данный культурный обмен — ее непосредственный результат. Но реально в Германии достаточно много людей, которых интересует русская культура

в целом и непосредственно русское искусство. Однако интерес этот не на самом высоком уровне — скажем, директоров музеев, крупнейших кураторов. Те не снисходят до поиска современных художников из России. Исключая, повторю, Кабакова.

Но в Германии я нахожусь существенно ближе к потоку мирового искусства — и это важно для каждого художника. Существует мнение, что художник, подобно затворнику, может позволить себе жить в деревне и ничего не знать о происходящем в мире. На самом деле это, конечно, невозможно. В Москве мое общение с миром реализуется не столь полно.

— Я представляю себе ваше творчество глубоко связанным с темой интерпретации, переживания отечественной истории XX века. Но не менее важна сейчас и проблема ее интегрированности в историю мировую. Почему художники, особенно живущие на Западе, за исключением, пожалуй, только Комара и Меламиды, не обращаются к ней? Сознательно ли вы дистанцируетесь от этой проблемы, или же в вашем творчестве она по-своему ставится?

— Видите ли, для меня фотография Сталина и старое фото частного лица — одно и то же. Мне многие говорят, что я занимаюсь временем, образом времени. А значит, это так или иначе связано с историей. И фотография для меня — в первую очередь элемент пластического выражения, а уж потом элемент истории. Я никогда, работая, специально не думаю об истории и считаю, что художник не должен об этом думать. Просто все, что есть помимо пластики, и историзм в том числе, — это факторы, зависящие от самого человека, от того, каково его мировоз-

зрение, что он прочитал, посмотрел и т.д. И воспринимать эти уровни в искусстве будет далеко не все, а только те, кто близок к художнику по мировоззрению. Так, историзм в моих картинах "вытекает" из меня самого, из моего общего интереса к истории. Но по большому счету в творце между "художником" и "человеком" должна ставиться преграда. Вошел в мастерскую — выставил "человека" со всеми страстями за дверь; работает только "художник". И все идеи добра и зла, якобы содержащиеся в произведении искусства, выдуманы искусствоведами задним числом. А настоящая задача в картине — как взять отношение зеленого к серому.

— В каких странах, по-вашему, сейчас наиболее благоприятно воспринимается современное русское искусство?

— Я думаю, что все-таки в Германии в первую очередь. Она немного опережает в этом отношении Францию, Англию и уж тем более остальные европейские страны. Америка же в смысле восприимчивости русской художественной традиции — вообще страна бескультурная. Применительно к ним практически невозможно говорить о культурном взаимодействии. Культура там другая во всем, и она строится на культуре денег, богатства отдельного человека и страны. Если одним словом, пусть и очень огрубляя, определить американское искусство — то это будет "гигантский масштаб". Камерное искусство там никого не интересует.

— А вы считаете себя в таком случае камерным художником?

— По сравнению с Америкой — да, но сравнивая с Европой — на равных. В Европе все-таки соразмерная нам культурная традиция. К слову, гово-

ря о наших художниках, живущих в Штатах, — даже наиболее известные из них, ни Комар и Меламид, ни Соков, не смогут стать по-настоящему американскими художниками. Не тот масштаб, как ни старайся. Надо там работать с самого рождения и при этом быть замешанным на огромных деньгах.

— Вы заканчиваете книгу воспоминаний "Рейс № 720. Новосибирск — Москва" пожеланием описать и вашу заграничную жизнь. Наверняка это будет подобная "Рейсу" цепь коротких историй, но все же — будет ли в ней, как и в самой вашей жизни "там", некая сквозная тема, красная нить?

— О такой книге я пока только думаю. Не спешу. Нужно, чтобы возникло настроение написать. Что касается "Рейса" — мне просто хотелось вспомнить, отметить некоторых людей. На тот момент порыв реализовался, а теперь это было бы натугой. Но в принципе можно было бы и за границу описать, и детство...

В любом случае речь в этой книге шла бы о том, как русский человек совершенно не способен интегрироваться на Западе, не родившись там, не зная нюансов культуры, а главное — языка. Последнее — непреодолимое препятствие. Шутки, важные детали, специфика истории — все это ускользает от русского человека, живущего в другой культуре. Русские "там" — чужие до самой смерти. И это главное! Смотреть туда надо, бывать и поглощать культуру необходимо, но при этом всегда помнить — оставаться самим собой. А таким человек может быть только там, где он родился.